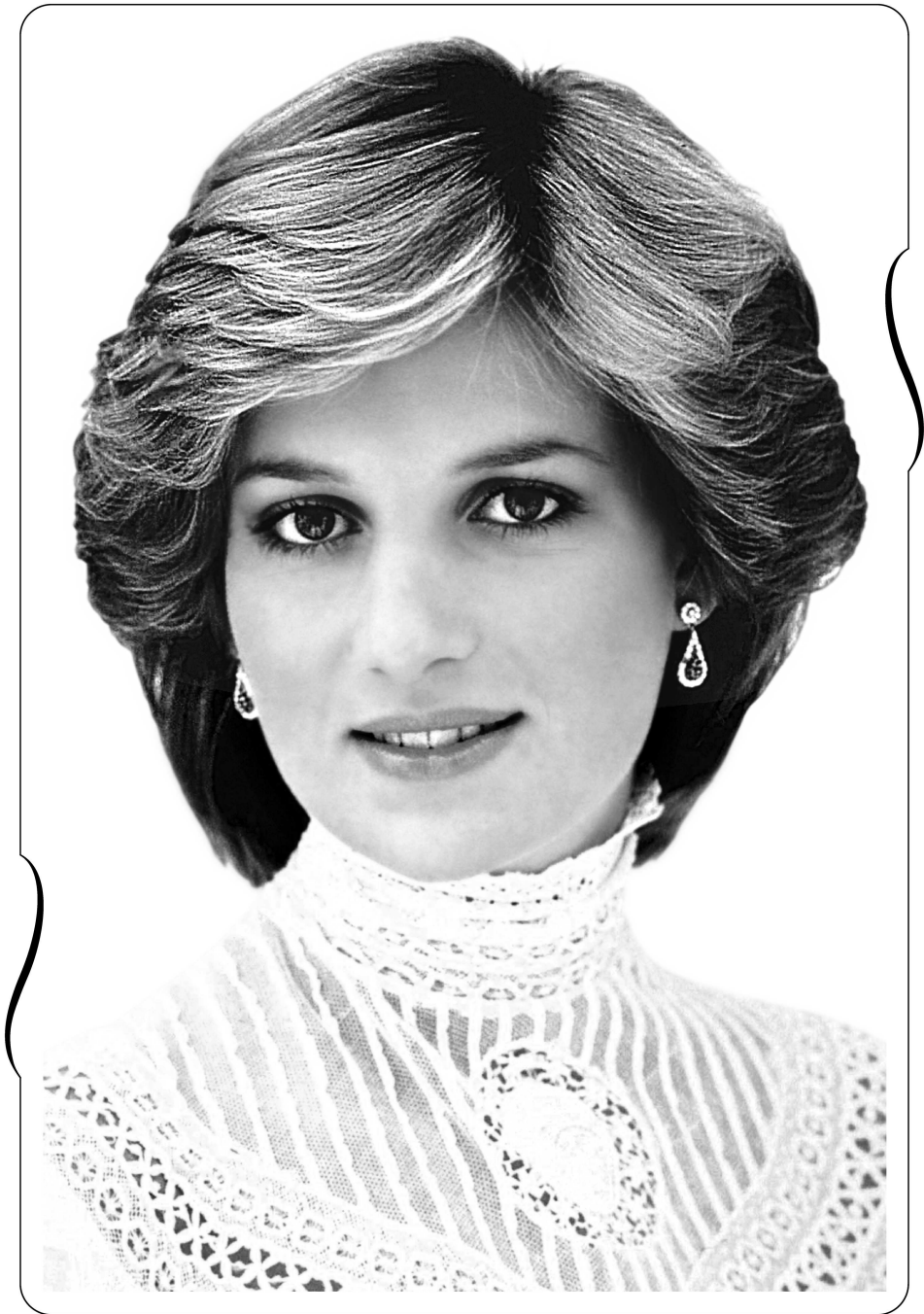

УНИКАЛЬНАЯ
АВТОБИОГРАФИЯ
Женщины-эпохи

Принцесса Диана

Жизнь,
рассказанная
ею самой

ЯУЗА-ПРЕСС

МОСКВА

2024

УДК 821.111-94
ББК 84(4Вел)-44
П76

Оформление серии *С. Курбатова*

Фотография на обложке: Uppa / Globe Photos / ZUMAPRESS.com / Legion-Media

П76 **Принцесса Диана. Жизнь, рассказанная ею самой / Москва : Яуза-пресс, 2024. – 256 с. – (Уникальная автобиография женщины-эпохи).**

ISBN 978-5-9955-0403-0

Ее обожал весь мир – и ненавидела собственная родня. По ней сходили с ума миллионы мужчин – а муж променял ее на старую любовницу, не блестящую красотой. За ее венчанием наблюдали более миллиарда телезрителей, ее «райской жизни» завидовали все женщины мира – но она в отчаянии спрашивала принца Чарльза: «За что ты вверх меня в ад?» Ее судьба казалась сказкой о Золушке – только без хеппи-энда...

Принцесса Диана начала писать эту книгу незадолго до смерти, уже предчувствуя скорую гибель, а последнюю точку поставила накануне трагедии. Это не автобиография, не дневник, не мемуары, даже не исповедь – это крик души самой желанной женщины в мире, у которой было все, кроме любви и женского счастья. Ведь обожание толпы и поклонение миллионов – еще не любовь...

Успела ли она узнать это чувство после разрыва с принцем Чарльзом? Был ли ее последний мужчина достоин руки принцессы Дианы? О чем она сожалела больше всего, чего опасалась после развода, кому верила, кого подозревала, о чем думала в последние дни? Почему так отчаянно спешила жить – как будто не просто предчувствовала трагический финал, а знала наверняка?..

Казалось, нам уже не получить ответа на эти вопросы; казалось, леди Ди унесла свои тайны в могилу, – если бы не эта сенсационная книга, опубликованная уже после ее гибели и проливающая свет на самые запретные страницы ее биографии.

УДК 821.111-94
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-9955-0403-0

© Павлицева Н., перевод, 2012
© ООО «Яуза-пресс», 2024

НЕНУЖНАЯ...

Я мешала всем и всегда, я была ненужной...

Только два человека в этом мире действительно любили и любят меня — Уильям и Гарри. И я люблю только их двоих.

Восторг и приветствия огромных толп, которые собираются посмотреть на меня, — это не любовь, вернее, любовь, но не ко мне самой. Люди любят созданный образ принцессы, которая была Золушкой, и не хотят замечать, что бывшая Золушка несчастна.

Из всего сонма окружающих меня родственников и знакомых меня любят только мои мальчики, причем именно меня, со всеми моими недостатками и достоинствами, просто за то, что я их мама. И я люблю их потому, что они мои сыновья, а не потому, что принцы.

Очень надеюсь, что у них будут жены, которые будут любить просто их, Уильяма и Гарри, а не принцев—наследников короны.

Принцесса Диана

Я часто предчувствовала беду до того, как случилось что-то дурное, могла напроорочить чью-то болезнь или даже гибель. Иногда этого побаивались.

Теперь я не чувствую, я ЗНАЮ. Бывает такое, когда нет никаких предпосылок, все почти спокойно, а ты точно знаешь, что сейчас, вот в следующую минуту, произойдет что-то страшное...

Так я знаю, что совсем скоро гибель. У моей машины откажут тормоза, и я получу смертельную травму. Если и выживу, то больше не смогу быть действительно живой, потому что существование под аппаратами на медицинской кровати не для меня.

Чарльз часто спрашивал меня, чего мне не хватает? Действительно, чего мне не хватает для счастья? Постепенно размышления вылились в попытки осмыслить, как можно быть несчастной, имея все — двоих прекрасных сыновей, семью, причем королевскую, всеобщее восхищение, здоровье и весьма привлекательную внешность.

ТРАГЕДИЯ ДЕТСТВА

Наша семья была самой обыкновенной семьей, близкой к королевскому двору. Эту близость обеспечили принадлежность отца к роду Спенсеров и дружба бабушки Рут Фермой с королевой-матерью. Рут Фермой дружила со старшей Элизабет еще тогда, когда никто не предполагал, что та станет королевой, а потому никто не мог заподозрить мою бабушку в низкопоклонничестве.

Все Спенсеры своенравны, а все Фермой строптивы и властны. О моей маме Фрэнсис говорят, что, когда пристально смотрит своими синими глазами, кажется, будто она больше королева, чем сама королева. Да, из мамочки вышла бы куда лучшая супруга принца, чем я. Будь она на моем месте, Камилла отправилась бы куда-нибудь в Австралию или вообще на Южный полюс уже через пару дней, а не отравляла жизнь столько лет.

Хотя ее собственная мать, наша бабушка Рут Фермой, от неверности мужа претерпела немало. Бабушка была всегда уверена в правильности своих поступков и мысли не допускала о возможности ошибки. Мне бы ее уверенность! Брак бабушки

Принцесса Диана

по сути был кошмаром, но она женила на себе дедушку по расчету и жила, прекрасно зная о побочных связях и даже детях своего супруга.

Возможно, поэтому бабушка была крайне возмущена и маминим, и моим поведением. Подумаешь, муж неверен и имеет многолетнюю любовницу! Разве это причина, чтобы страдать булимией, ревновать и тем более разводиться?! В конце концов, можешь поплакать в подушку, но так, чтобы даже горничная не догадалась, а уж за пределами собственной спальни об этом вообще никто ничего не должен знать!

Я сделала все наоборот — вынесла свои страдания на суд обществу, рассказав о неверности царственного супруга, и этим совершенно испортила отношения с бабушкой. Ничего другого ожидать было нельзя, потому что задолго до этого она также вычеркнула из своей жизни мою маму, свою обожаемую дочь Фрэнсис, когда та посмела уйти от мужа к любимому человеку.

Я тоже осуждала маму, сейчас мы с ней в ссоре по другому поводу, но осуждала за то, что она бросила меня. Бабушка же выступила против собственной дочери даже в суде, когда определяли, кто должен опекать детей. При этом бабушку меньше всего волновали чувства детей, для нее было главным, что Фрэнсис, для которой она устроила столь блестящий брак, посмела его разорвать!

Бабушка действительно устроила сначала роман между моими родителями, а потом и их свадьбу. Ей было неважно, что маме всего пятнадцать, что она еще школьница, что у папы тогда была другая, почти невеста. Она решила заполучить для дочери самого завидного к тому времени жениха — Джона Спенсера, который должен со временем стать восьмым графом Спенсером, она его заполучила.

Папа был влюблен в маму по-настоящему, несмотря на ее молодость и разницу в их возрасте в двенадцать лет. Когда маме исполнилось семнадцать, они наконец смогли пожениться. О... это была поистине королевская свадьба, конечно, не такая, как у меня, но бабушка всегда умела блеснуть.

Я больше похожа на маму моего отца леди Синтию, и внешне, и во многом характером. Леди Синтия была удивительно доброй и обожала заботиться о других, ее часто видели в семьях Нортгемптоншира с помощью и утешениями. Но она и слова не могла сказать против дедушки — графа Спенсера. Дедушку Джека боялись мы все, и папа тоже. Мама не очень, но жить в его огромном Элторпе с его 120 комнатами и суровыми условиями без нормального отопления не хотела. Мама говорила, что чувствует себя там так, словно нечаянно осталась в музее, который закрыли на выходной. Именно поэтому мы переехали к бабушке Рут Фермой в Парк-Хаус в королевском поместье в Сандрингэме. А сама бабушка окончательно переехала в Кларенс-Хаус к своей подруге — королеве-матери Элизабет. Их многолетняя дружба казалась нерушимой. Она таковой и была.

Сначала родители были счастливы, как могут быть счастливы молодые люди, у которых есть любовь, семья, родилась первая дочь и имелись средства на пусть и не королевское, но вполне сносное существование.

Я иногда думала: неужели именно долгое отсутствие сына так испортило их отношения? Когда, будучи уже совсем взрослой, узнала, что отец заставлял маму пройти обследование, чтобы выяснить, может ли она вообще рожать сыновей, не сразу поверила. Но потом, когда мой Гарри родился совер-

Принцесса Диана

шенно рыжим (а он как две капли воды похож на мою сестру Сару) и Чарльз засомневался в своем отцовстве, я поверила, что такой поступок мужа возможен.

Мама родила Сару, нашу рыжую красавицу, крестной матерью которой стала сама королева-мать.

Потом родилась Джейн – умница и отличница, ее крестным отцом стал герцог Кентский.

Потом родился Джон, и это стало сначала радостью, но тут же горем. Джон умер почти сразу. Мама рассказывала, что была в ужасе, потому что ребенка унесли, а ее саму заперли и не выпускали, пока Джона не похоронили. Потом была неудачная беременность, а потом на свет появилась я.

Отец позже мог говорить все, что угодно, но в момент рождения я оказалась для него полнейшим разочарованием. Едва родившись, я была никому не нужна. Снова девчонка! 1 июля 1961 года в семье Спенсеров не стало праздником, они даже не могли целую неделю выбрать мне имя, и никаких звездных крестных у меня не было тоже.

Вот тогда папа и заставил маму пройти обследование.

Через три года родился наш братик Чарльз, его крестной была сама королева Елизавета II, но отношения родителей это уже не спасло. Мама, подарив роду наследника, видно, считала свою миссию выполненной, а себя свободной.

До развода родителей у нас было счастливое детство, огромный парк Сандрингэма, достаточно удобный Парк-Хаус, обожаемые родители, готовые делать для нас все, постоянные праздники... Даже няни были добрыми и веселыми, во всяком случае, мне так казалось. Я очень любила и маму, и папу. Разве можно было предположить, что они когда-то станут делить нас?!

Гром грянул среди ясного неба: мама влюбилась! У меня очень красивая мама, длинные ноги у меня от нее, только она рыжая, как Сара, и очень уверенная в себе. Сара в нее характером, но моя сестра тоже очень красивая.

Начались родительские скандалы. Папа при всех делал вид, что они хорошая семейная пара, а когда гостей не было, родители страшно кричали друг на друга, хлопали дверьми. Сара умней, она уходила в свою комнату и включала погромче музыку, а я, наоборот, подходила к самой двери их спальни и пыталась послушать, что же не так.

Почему они ссорятся, ведь за день не случилось ничего страшного? В пять лет я не понимала, в чем именно родители обвиняли друг дружку, но где-то в голове это засело. Позже Чарльз удивлялся тому, что я устраивала скандалы с криком и хлопанием дверьми. Для королевской семьи это было невысказано, там голоса не повышали, а я просто не представляла, что можно ссориться иначе!

Я страшно боялась, чтобы папа не ударил маму, потому, стоило им повыситься друг на друга голос, оказывалась тут как тут, но появляться на виду не решалась, просто стояла за дверью, постоянно ожидая чего-то страшного.

А потом они развелись совсем...

Мы виделись с мамой только по выходным, для этого нужно было проехать немалый путь с няней, потом видеть слезы мамы и слышать ее причитания, что завтра детей заберут обратно...

Эти воскресные встречи только озлобляли меня. Конечно, в свои шесть лет я ничего не понимала, кроме того, что мама нас бросила.

Сара была почти взрослой, ей исполнилось тринадцать, за ней тянулась отличница Джейн, они уже учились и чувст

Принцесса Диана

ли себя почти самостоятельными, залихватски рассказывали о выпивках и разных школьных проказах, вернее, рассказывала Сара, а Джейн только кивала. Казалось, развод родителей их почти не задел, они не желали ездить к маме в ее новый дом. Конечно, это только казалось, но старшие сестры хотя бы понимали, что именно происходило, а мы с братом нет.

Брат Чарльз был еще совсем мал, а я пыталась разобраться, но не понимала одного: как могла мама нас бросить?! Она уехала в Лондон, обещая вернуться, и не вернулась. Позже я узнала, что маму не пустили в дом, когда она приезжала нас проведать, но тогда это было настоящим горем — мама нас бросила!

Сара фыркала, что я дура, потому что развела слезы, мол, нужно не плакать, а сделать свой выбор. Но я не могла делать выбор между мамой и папой.

Ну почему нужно выбирать между мамой и папой?! Я не хотела выбирать, я любила обоих одинаково сильно и хотела жить с обоими!

Они сначала разводятся и делят нас, словно столовое серебро, а потом требуют, чтобы мы были счастливы. Я не могла быть счастлива. Однажды к празднику они прислали мне каждый по платью — белое и зеленое, и я вместо того, чтобы радоваться, рыдала и даже не хотела никуда идти, потому что оба наряда были красивыми и мне нравились, но выбрать один означало отвергнуть другой, а я не хотела никого отвергать!

Разве можно в таких условиях не вырасти строптивой? Знаю, у многих родители развелись, но не у всех так тяжело и позорно, к тому же не всех заставляли жестоко выбирать и не всем потом приводили в дом таких мачех, какой была Рейн.

Однажды я умудрилась отказаться от чаепития... с королевой! Отцу прислали приглашение на чай в королевскую рези-

денцию в Сандрингэм, причем именно со мной. Что заставило меня вдруг заявить, что не пойду, не знаю сама.

— Нет, у меня болит голова!

— Дач?! Тебя королева каждый вечер приглашает попить чайку? К Ее Величеству и с мигренью можно пойти.

— Не пойду!

Ни переубедить, ни заставить отцу не удалось, он был вынужден отправить Ее Величеству извинения, объясняя отказ моей болезнью.

Потом я пожалела, но тогда главным было настоять на своем.

Сара о выходке отозвалась коротко:

— Дач просто дура!

Бабушка не просто заняла сторону отца, но и выступила против собственной дочери, осудив маму публично. Так мы получили еще один урок: положение при королевском дворе важнее даже любви к собственной дочери, ведь бабушка поступила так, прежде всего чтобы сохранить дружбу королевы-матери.

Если бы мама нас выкрала или хотя бы попыталась сделать это, я бы ее простила, но мама сразу после развода вышла замуж за своего любовника Питера Шенда Кида. Даже если это была горячая любовь, дети не виноваты.

Мы остались с папой и хорошо видели, как он изменился. Особенно это чувствовала я. Сара и Джейн были уже достаточно взрослыми и учились далеко, а мы с Чарльзом пока оставались рядом с папой. Он стал нелюдимым, грустным, словно, уехав, мама забрала из него жизненные силы. Я не могла не пытаться утешить папу, мне так хотелось вернуться в те вре-

Принцесса Диана

мена, когда в Парк-Хаусе устраивали счастливые праздники в дни рождения! О, наши праздники помнили в графстве, весь парк Сандрингэма превращался в настоящий детский рай!

Но все это закончилось... Иногда я думала, что и детство закончилось тогда же.

Мама со своим Питером уехали на остров Сейл на западе Шотландии. Конечно, ни мы туда, ни мама оттуда ездить каждые выходные не могли.

Мне было восемь, когда мы остались только с отцом, няни не в счет, с ними я воевала так, словно это они виноваты в уходе мамы. Мы Спенсеры, но как же нам было одиноко! Конечно, папа отвозил нас с Чарльзом в школу и забирал обратно, он старался зайти в детскую, чтобы пожелать спокойной ночи, интересовался нашими делами, но папа — это не мама. Ели мы всегда только в детской с няней, беседы вели с ней или друг с другом... Чарльз, видно, чувствовал одиночество еще сильнее меня, а потому часто плакал и всегда жался ко мне, словно ища защиты. Я заботилась о нем как могла, ведь Чарльз не получил даже той любви мамы и папы, которая досталась нам, он был слишком мал, чтобы что-то понимать, когда они разводились.

Нянь я просто выживала. Все говорили, что я упрямая, строптивая, иногда просто невыносима. Они ничего не понимали! Чаще всего я упрячилась не из-за того, что была действительно упряма, а потому, что меня не замечали!

Да, да, и пусть говорят что угодно. Потом порасскажут, что это не так, что я была у отца любимица и он многое готов сделать для меня... Да, назло всем я сказала, что хочу на день рождения живого верблюда, и когда праздновали мой седьмой день рождения, отец раздобыл настоящего верблюда. Ох и

посмеялись мы тогда! Но все равно, верблюды — это признак родительской любви? Нет, я была им не нужна!

Лучше бы они сохранили семью, чем приводили верблюдов.

Мне всегда нравилось танцевать, ах, как мне это нравилось! Так хотелось выйти на сцену в роли Одетты-Одиллии в «Лебедином озере». Обожаю Чайковского, особенно этот балет. Я даже выучила его переложение на клавиры и с удовольствием играла перед домашними.

Но какая из меня балерина? Я высокая, толстая и ленивая... Возможно, не будь я такой неуклюжей пышкой в детстве, займись серьезно балетом, во мне бы воспитали упорство, трудолюбие, уверенность... Но этого не случилось, танцы танцами, а в балет не взяли совсем.

А еще я любила плавание и прыжки в воду. Вода — это чудесно, в воде я чувствовала себя уверенно, в плавание нужна сила и стремление вперед, чего у меня вполне хватало. В воде я ловкая, легкая, не то что на суше, где нужно следить за осанкой, за тем, чтобы не косолапить или не загребать ногами.

Постепенно я научилась быть красивой и на суше, но вот сутулость осталась. Нелегко не сутулиться, если все вокруг хоть немного, но ниже тебя, высокий рост хорош, когда ты среди высоких людей.

Куда хуже обстояли дела со всякой зубрежкой, а вернее, экзаменами. Я совершенно не понимала, зачем мне все это знать. А если мне неинтересно или я не понимаю, зачем это нужно, могу зубрить сколько угодно, никакого толка не будет, все равно к экзамену все вылетит из головы. Я не понимала и того, почему все переживают из-за несданного предмета. Не сдала? Ну и что, разве я от этого стала хуже или просто другой?

Принцесса Диана

После экзамена я могла спокойно рассказать все то, что была не в состоянии ответить перед преподавателями. Мне просто не казалось это важным. Сара сдала шесть экзаменов, а наша отличница Джейн и вовсе одиннадцать, я ни одного даже после второй попытки. И это им пригодилось? Ничуть. Все, что нужно узнать, они узнали сами. И я также.

Если мне было интересно или действительно нужно, я легко выучивала большие тексты за короткий срок. Это не касается речей, так и не научилась подолгу и легко их произносить, больше чем на десяток минут меня никогда не хватало. Но стоило уйти с трибуны, и я могла разговаривать с людьми на любые темы.

Когда мы отправлялись в новую страну, я, которая ничего не знала из географии или истории (в этом не вина преподавателей, они старались вложить нужные знания), спокойно прочитывала большой текст и легко его запоминала. Но стоило закончиться визиту, как этот же текст легко исчезал из моей памяти, словно влажной губкой стирали написанное на доске. Так уж устроена моя память, она цепкая и крепкая, но недолгая и не желает подчиняться правилам. Чарльза временами это приводило в ужас или в ярость.

Мне было четырнадцать, когда положение нашей семьи вдруг изменилось: отец стал восьмым графом Спенсером, а мы соответственно леди Сара, леди Джейн и леди Диана. Я — леди Диана Спенсер!

И наш родовой замок — огромный Элторп. Конечно, в нем оказалось не все так здорово, то есть было помпезно и страшно неудобно, но ведь это родовое поместье. Я ходила по залам,

приседала в реверансе перед каждой картиной, важно поворачивала голову налево и направо, милостиво кивала, словно разрешая что-то своим пажам...

Какая девочка не мечтает стать принцессой в таком возрасте? Хотя, думаю, Сара не мечтала, она всегда знала, чего хочет, и смотрела на меня свысока.

Но тогда у нас еще был отец, хотя няни менялись то и дело. Просто они были противные, я воевала с этими тетками и одну за другой выживала из Элторпа. Зачем нам няни? Может, маленькому Чарльзу и были нужны, но не мне же! В школе мне постоянно указывали, что делать, и на каникулах чужая тетка тоже норовила заставить поступать по-своему.

На меня глядя, капризничал и Чарльз. Одна из нянь хватала нас с братом за шиворот и... била лбами друг о дружку! Но я тоже расправлялась с ними: закрывала в ванной, выкидывала в окно их вещи... Нам не нужны няни, нам нужна мама.

Лучше бы я этого не говорила! Я понимаю, что не мои слова повлияли на отца, он принял решение сам.

Мы только освоились в Элторпе, когда отец решил жениться. Это было просто невыносимо. У нас будет мачеха?! Хотелось крикнуть:

— Нет!

И все же я бы промолчала, если бы не Сара. Старшая сестра была уверена в себе, к тому же ей уже исполнился двадцать один год и она жила собственной взрослой жизнью. Она с первых минут знакомства дала понять будущей мачехе, что терпеть ее не может.

Самое удивительное — нашей мачехой оказалась Рейн Легги, дочь моей обожаемой писательницы Барбары Картленд.

Принцесса Диана

Насколько я любила романы Картленд, настолько же ненавидела ее дочь. Мы ненавидели Рейн потому, что она хотела отобрать у нас папу!

Мало того, эта дама попыталась сразу продемонстрировать свое особое положение, она настолько по-хозяйски вела себя с нами, что Сара не выдержала и наругала. Я поддержала.

Нас можно понять, Саре был двадцать второй год, мне пятнадцатый, а нам как детям предлагали миндальный торт с обещанием дать еще кусок тому, кто съест больше. Как она это представляла: мы должны, как на глупых соревнованиях, влезть с головами в тарелки, поглощая свои куски в сумасшедшем темпе? А потом с восторженными вымазанными физиономиями требовать еще кусок? Глупее ничего не придумать! Конечно, мы не стали соревноваться. Если я захочу миндальный торт, я просто попрошу мне его испечь или купить.

Сара наругала, я поддержала, в результате за столом остались только папа, наш смущенный брат Чарльз и эта дама. Я вдруг поняла, что она просто отберет у нас папу. Саре, может, это не столь важно, как и Джейн с Чарльзом, а для меня очень серьезно. Я папина дочка, но теперь он принадлежал не мне, а ей. Могла ли я любить эту даму?

Позже стало еще хуже, потому что в июле 1976 года, ни слова не сказав нам, отец женился на этой мегере! И узнали мы об этом... из газет! Мало того, в нашем семейном замке в Элторпе состоялся бал на тысячу приглашенных. Знаете, кого не было на этом балу? Детей графа Спенсера – Сары, Джейн, Дианы и Чарльза! Кто мы такие, чтобы нас звать на такое важное мероприятие?

Я знаю, что Сара заявила журналистам, мол, там не было ничего важного, чтобы нас приглашать. Но я знаю и то, как

была возмущена, шокирована сестра. Я вообще проревела целый день. Отец женился, не просто не спросив нас, нравится ли нам эта мегера в качестве мачехи, но и вообще не поставив в известность, даже не пригласив на свадьбу! Интересно, чего они ожидали в ответ? Ответом могла быть только ненависть! Разве можно любить ту, которая подло забрала у тебя любимого отца, так пренебрежительно отнеслась к тебе, словно ты вещь в кладовой, которую можно задвинуть подальше и забыть.

Рейн ненавидели мы все. А отцу я даже дала пощечину!

Мало того, эта мерзавка начала хозяйничать у нас в Элторпе, словно у себя на кухне, она принялась распродавать фамильные вещи Спенсеров, будто это было ее старое барахло. Даже сейчас, через много лет, меня трясет при воспоминании, что эта мерзавка натворила с Элторпом!

Конечно, она спасла отцу жизнь, когда у того случилось сначала обширное кровоизлияние в мозг, а потом синегнойная инфекция. Но это все потому, что понимала, что с ней будет, если муж умрет. Тогда отец выжил, однако эта мерзавка с первых лет полностью оградила его от нас. У нас не было матери, потому что мама предпочла другого мужчину отцу и других детей собственным (у ее второго супруга было трое детей), теперь у нас не было и отца, который тоже предпочел чужих троих детей этой Рейн своим собственным. У нас никого не было! Могли ли мы любить эту женщину? Ничуть, мы ее ненавидели!

Даже сейчас, когда мои с ней отношения стали куда более спокойными и мы даже нашли общий язык, стоит вспомнить первые годы — обиды из-за свадьбы, отчуждения отца, наглого хозяйничанья в Элторпе и разбазаривания фамильных ценностей — и меня захлестывает даже не обида, а ненависть! Очень

Принцесса Диана

трудно простить, когда у тебя отнимают любимого отца и унижают на каждом шагу. Я стала мудрее, но внутри все равно сидит эта всепоглощающая обида, которая никогда не закончится, боль, которая никогда не утихнет.

Мой брат Чарльз все время молчал, но оказалось, что он переживал не меньше, во всяком случае, сразу после смерти отца, став девятым графом Спенсером, он буквально вышвырнул мачеху из Элторпа! Я с удовольствием помогала. Мы запретили ей выносить любую вещь, если она не куплена лично ею, а все ее личные вещи засунули в мешки для мусора и выкинули вниз с лестницы. Я лично проследила, чтобы в нашем семейном замке не осталось никаких следов пребывания этой женщины и ее мерзких отпрысков. Когда через несколько месяцев в каком-то углу обнаружилась книга, забытая кем-то из ее детей, я буквально растерзала несчастный предмет, чтобы сжечь его в камине!

Такой ненависти, как к ней, я не испытывала ни к кому, даже к Камилле. Эта женщина отняла у меня отца тогда, когда он был мне больше всего нужен, она отняла у меня понятие дома, потому что считать домом Элторп, где хозяйничала эта тетка, я не могла. В результате в пятнадцать лет у меня не было ничего – ни семьи, ни дома, ни любви родных...

До учебы ли мне было и могла ли я быть послушной и хорошей девочкой? Они сначала ломают судьбы детям, а потом удивляются, что те растут строптивыми и нервными.

В моих резких сменах настроения, приступах булимии и неспособности к усидчивой учебе виноваты мои родители и эта женщина! В шесть лет почувствовать себя брошенной матерью, в пятнадцать преданной отцом и затем выкинутой из дома чужой женщиной и остаться спокойной и уравновешенной едва ли возможно.

